

18+

ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ КАТЕГОРИЧЕСКИ РЕКОМЕНДУЕТ

Тыну40k
Goblina

ПЕРВАЯ СЕМЬЯ

МАЙК ДЭШ

ДЖУЗЕППЕ МОРЕЛЛО

И ЗАРОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ МАФИИ

Майк Дэш

**Первая семья. Джузеппе Морелло
и зарождение американской
мафии. Предисловие
Дмитрий Goblin Пучков**

2009

УДК 343.9.02
ББК 67.408

Дэш М.

Первая семья. Джузеппе Морелло и зарождение американской мафии. Предисловие Дмитрий Goblin Пучков / М. Дэш — 2009

ISBN 978-5-4461-1866-3

Задолго до того как во главе преступного мира Нью-Йорка встали «Пять семей», им безраздельно правил «босс боссов» Джузеппе Морелло. Майк Дэш воскрешает малоизвестную историю рождения американской Мафии на рубеже XIX–XX веков. Это рассказ длиной в четыре десятка лет, охватывающий пространство от деревень Сицилии до улочек Маленькой Италии. Используя колоссальный объем никогда ранее не публиковавшихся источников — архивы секретных служб, тюремные записи и интервью с выжившими членами мафиозных семей, — Дэш создал уникальный труд, детально объясняющий, как в США зародилась итальянская этническая преступность, едва не поставившая на колени всю систему американского правосудия. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 343.9.02
ББК 67.408

ISBN 978-5-4461-1866-3

© Дэш М., 2009

Содержание

Предисловие Дмитрия Goblin Пучкова	6
Предисловие автора к русскому изданию	8
Предисловие	9
1. Тайна бочки	11
2. Уважаемые люди	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Майк Дэш
Первая семья: Джузеппе Морелло
и зарождение американской мафии

© Предисловие Дмитрий Goblin Пучков, 2021

© Переводчик А. Денисов, 2021

© ООО Издательство "Питер", 2021

Предисловие Дмитрия Goblin Пучкова

*Тому, кто оказался между Мафией и законом, бояться нужно
вовсе не закона.
Сицилийская пословица*

Сегодня в индустрии «блатной романтики» крутятся миллиарды долларов и заняты десятки тысяч человек. Книги, песни, фильмы – романтизация уголовщины достигла невиданных высот.

Мода на подобное творчество – вовсе не исключительно наша беда, зародившаяся в «святые девяностые». Воспевание «благородных разбойников», якобы защищающих некую «справедливость для простого человека», а на самом деле грабящих любого, у кого есть что отнять, – началось задолго до появления баллад про Робина Гуда и его лесную братву. Шервудский централ еще не построили, а песни уже были. Аналоги блатных песен, которые среди родных осин теперь застенчиво называют «шансоном», есть под любыми широтами.

Книги, песни и фильмы про чудесных уголовников и отважное ворье идут потоком. На первом месте – легендарная трилогия Фрэнсиса Форда Копполы, снятая по не менее легендарному роману Марио Пьюзо (кстати, он на самом деле Пузо, а никакой не Пьюзо).

«Ты просишь меня о справедливости, но делаешь это без уважения», «Мы сделаем предложение, от которого они не смогут отказаться», «Держи друзей близко, а врагов еще ближе»... И книга, и фильм сделаны исключительно талантливо. Талантливо настолько, что вместо образа гнусной уголовщины авторы создали яркий культурный миф. А мифы – штука живучая и трудноуничтожимая.

Автор книги «Первая семья» Майк Дэш – один из немногих, кто целенаправленно и последовательно разрушает миф о замечательных уголовниках, показывая жуткую рожу организованной преступности без малейших проблесков благородства и романтики. В отличие от романистов, кинематографистов и прочих поэтов-песенников, Дэш – историк. И как историк он работает с документами и сухими цифрами полицейских сводок. То есть с тем, как оно было на самом деле.

История Джузеппе Морелло, организатора итальянской этнической преступности в Нью-Йорке и первого мафиозного «босса боссов», – лучшее подтверждение того, что преступление не бывает гениальным. Преступность всегда посредственна.

Уголовник Морелло – никакой не Робин Гуд и даже не дон Вито Корлеоне. Вершин преступного мира он достиг не благодаря выдающемуся интеллекту и хорошему воспитанию, а благодаря звериной жестокости, необоримой алчности и готовности шагать по трупам. В первую очередь – по трупам соплеменников, ибо основной «кормовой базой» для его банды были точно такие же итальянские эмигранты, как он сам. Земляки, изо всех сил пытавшиеся честным трудом закрепиться в чужой для них стране.

Морелло облагал «налогом» итальянские магазинчики, мастерские и пекарни. С теми, кто не желал платить, безжалостно расправлялся. Разрабатывая новые преступные «темы», спихивал своим малограмотным землякам напечатанные его подручными фальшивые доллары. А предлагаемая Морелло «защита» (которую у нас называют «крышей») была защитой от него самого.

Достаточно часто случается так, что все эти «хозяева жизни», безжалостно карающие любого по малейшему подозрению в нарушении уголовных понятий, оказавшись за решеткой, внезапно теряют присутствие духа и начинают активно сотрудничать с администрацией. Морелло не оказался исключением.

Разумеется, никакого реального благополучия и безопасности ни себе, ни своим близким он обеспечить не мог. Редкий персонаж этой книги умирал в собственной постели. Подавляющее большинство этих «героев» заканчивало жизнь сугубо противоестественными способами. И любой честный трудяга-эмигрант, едва сводивший концы с концами, в итоге проживал куда более счастливую и куда более долгую жизнь.

Майк Дэш, повторюсь, историк, причем историк хороший. И, как подобает хорошему историку, он не пихает в текст отсебятину. Книга – не художественный вымысел, а документальное повествование. Но личное отношение к происходившему у автора, безусловно, есть: он искренне не любит всю эту сволочь. И правильно делает.

Я их тоже не люблю. И вам любить не советую.

Предисловие автора к русскому изданию

Для протокола. Мне хотелось бы расставить все точки над i.¹

Всем известный «Крестный отец» – в первую очередь художественное произведение. В организованной преступности нет ничего привлекательного. Люди, стоящие во главе преступных семей, не заслуживают почестей, заниматься темными делами они стали вовсе не потому, что хотели защитить свой народ от внешних угроз. По большому счету, их жертвами становятся их же соплеменники.

Предположу, что русские читатели понимают это лучше, чем американские или английские, для которых изначально была написана эта книга. Думаю, то, о чем повествует «Первая семья», остается важным и сегодня. Это рассказ о том, как организованная преступность, вошедшая в полную силу в 1920-е годы, появилась на свет и почему она функционирует именно так, а не иначе, в том числе и в наши дни.

Если вы задавались вопросом о том, каким образом американская Мафия сделалась смертоносной и могущественной, «Первая семья» даст вам ответ. Книга поведает во всех подробностях, как это произошло, не опуская детали сцен насилия и опираясь на документальные первоисточники, ранее не рассматривавшиеся другими историками.

Это не криминальное чтиво. Это сама история, которая ждет того, чтобы быть рассказанной, и заслуживает того, чтобы ее события и уроки оставались в нашей памяти.

Майк Дэш

¹ Автор принял самое деятельное участие в создании русской версии книги, оперативно и исчерпывающе отвечая на вопросы переводчика и щедро снабжая повествование ценными пояснениями, что делает данное издание уникальным и за что упомянутый переводчик и издательство в целом выражают автору глубокую благодарность. – *Примеч. пер.*

Предисловие

О Мафии написаны сотни книг. Но эта отличается от остальных. Предметом ее повествования является зарождение американской ветви этого братства в течение ряда лет – с 1892 по 1930-й: период, который, к моему удивлению, до сих пор оставался практически не освещенным. Очень немногие писатели задавались вопросом о том, как именно возникла Мафия в Соединенных Штатах. Этой теме посвящена и наша книга.

подавляющее большинство «книг о Мафии» вопиюще недостоверны: представленные в них сведения складываются из слухов, домыслов, невероятных предположений и бесконечного повторения ошибок прежних авторов. «Первая семья» ставит своей целью исправить эти упущения. Приведенная в ней информация почерпнута из первоисточников – не в последнюю очередь из подробных записей Секретной службы США. Нью-йоркское отделение этой организации было единственным учреждением, которое вело систематическое наблюдение за первыми мафиози как на федеральном уровне, так и на уровне штата или города. Ежедневные отчеты агентов этого отделения, дающие нам представление о ключевом промежутке времени с 1899 по 1916 год, занимают в общей сложности пятьдесят девять больших томов, свыше тысячи страниц каждый. Они хранят поистине величайшие сокровища достоверной информации о годах становления Мафии; они заложили тот краеугольный камень, на котором зиждется мое повествование. К моему недоумению, я не обнаружил ни единого признака того, что данные материалы изучал какой-либо другой автор публикаций по этой теме.

Другая существенная составляющая моего повествования – это важные и тоже обойденные вниманием записи: свыше тысячи страниц стенограмм судебных заседаний вековой давности и подробное признание ключевого участника важной мафиозной группировки фальшивомонетчиков (эти документы были обнаружены в Президентской библиотеке Гувера). А также письма и личные мемуары некоторых участников событий, не в последнюю очередь Уильяма Флинна, который служил бессменным главой нью-йоркского отделения Секретной службы с 1901 по 1917 год (если не считать краткого периода отхода от дел). Воспоминания Флинна, последовательно публиковавшиеся в многочисленных газетах, тоже не удостаивались внимания исследователей вплоть до настоящего времени, несмотря на то что были щедро подкреплены ежедневной криминальной хроникой, источниками которой служили более десятка газет начала XX века. В совокупности эти материалы позволяют реконструировать события минувших времен в мельчайших подробностях.

История, которая вырисовывается в результате, существенно отличается от прежних версий, по большей части безнадежно замаранных ложными сведениями. Приступая четыре года назад к своему исследованию, я прочел о том, что Джузеппе Морелло, первый большой босс нью-йоркской Мафии, родился в 1863 или 1870 году – или, по некоторым данным, в 1880-м. Связавшись с отделом государственной регистрации актов гражданского состояния в его родном сицилийском городе Корлеоне, я обнаружил, что настоящей датой его рождения является 2 мая 1867 года – факт, который, похоже, не был известен даже его семье, поскольку на его надгробном камне указан 1870 год. Согласно другому источнику, у Джузеппе имелся брат Антонио, который был боссом в Нью-Йорке до него и который застрелил внушавшего всем ужас главаря конкурирующего криминального сообщества под названием каморра. Потрепанная стенограмма судебного заседания по делу Антонио Морелло, обвиненного в убийстве в 1892 году, была найдена в начале 1980-х в мусорном контейнере и хранится ныне в малоизвестной юридической библиотеке. В этой стенограмме утверждается, что Антонио Морелло не был ни членом Мафии, ни родственником своего более знаменитого «брата», а человек, которого он убил, был одноруким шарманщиком с незапятнанным прошлым; все его прегре-

шение состояло лишь в том, что он нанес оскорбление жене Морелло неприличными высказываниями.

Поскольку история, которую вывели на свет годы моих исследований, оказалась откровенно поразительной, я хотел бы сделать акцент на том, что ничто из нижеследующего не является вымыслом или результатом игры воображения. К фактическому материалу, изложенному здесь, ничего не было добавлено; каждое слово было либо произнесено участниками событий, либо записано газетным репортером. Как подобает историку, я подкрепил каждый абзац своего текста (а где было необходимо – каждую строчку) сведениями об источниках. (Их список вы найдете по ссылке: https://storage.piter.com/support_insale/files_list.php?code=978544611866&partner=3401 – *Примеч. ред.*)

Если говорить вкратце, то «Первая семья» не является пересказом поверхностных, неточных или полностью выдуманных басен, которые вы, возможно, читали ранее.

Это рассказ о том, что произошло на самом деле.

Майк Дэш. Лондон, 22 апреля 2009 года

1. Тайна бочки

Всякий входящий сюда чувствовал себя как на дне могильной ямы. Комната была сырой, с низким потолком, без окон и – в эту промозглую нью-йоркскую ночь – такой же холодной и неприветливой, как взгляд полицейского.

Снаружи, на Принс-стрит, что в самом сердце Маленькой Италии², шел косой моросящий дождь. Капли собирались в лужи посреди куч гниющих кухонных отходов, наваленных вдоль поребриков и делавших булыжники мостовой предательски скользкими от жира. Внутри, пониже щита с рекламой светлого пива, глубоко залез во внутренности неряшливого доходного дома ничем не примечательный, дешевый салун для рабочего люда. В этот поздний час – после трех ночи 14 апреля 1903 года – таверна уже закрылась, и оттуда не доносилось ни звука. Среди теней в дальнем конце бара виднелась грубо обтесанная, плотно закрытая дверь. В комнате за этой дверью Бенедетто Мадониа поглощал свой последний ужин.

Заведение было заявлено как ресторан, в котором подают спагетти, но на самом деле это была забегаловка, где подавали все подряд. Старая плита, скорчившаяся на полу у стены, испускала чад. Со стен свисали заплесневелые связки чеснока, аромат которого смешивался с запахом варившихся овощей. Из прочих предметов обстановки наличествовали несколько грубых, низких столов, старинные стулья и ржавая раковина, торчавшая в углу зала. Газовые лампы источали свет горчичного оттенка; голые половицы были усеяны кедровыми опилками, которые в конце дня превращались в густую смесь из плевков, луковой шелухи и окурков темных итальянских сигар.

Мадониа жадно вычерпывал полными ложками блюдо из тушеной фасоли, свеклы и картошки, здоровую крестьянскую еду, популярную в его родной провинции Палермо. Это был крепко сложенный мужчина среднего роста, привлекательный по меркам того времени, с высоким лбом, глазами цвета каштана и густыми выющимися темными волосами. Тщательно прощипанные пышные усы с закрученными кончиками оттеняли резкие очертания его римского носа. Он одевался лучше, чем большинство работяг: костюм, высокий воротничок, галстук и туфли на хорошей подошве – признаки какого-никакого процветания. Однако по его внешнему виду нельзя было сказать с уверенностью, как он зарабатывал деньги. Когда его спрашивали, Мадониа называл себя каменщиком. Но даже неискушенному наблюдателю было ясно, что этот человек не привык работать руками. Его сорокатрехлетнее тело уже начало оплывать, а на его ухоженных руках с аккуратным маникюром не было и следа мозолей ремесленника.

Уединенная трапеза подошла к концу. Насытившись, он отодвинул миску и мельком взглянул в противоположную сторону зала, где у стены расположилась группа посетителей. Подобно ему, они разговаривали на сицилийском – диалекте, столь щедро приправленном словами из испанского, греческого и арабского языков, что он частенько оставался непонятным даже для других итальянцев. Подобно его облачению, их одежда и украшения мало подходили для представителей профессий, привычных в таком месте: рабочий, фермер, гладищик. Однако было очевидно, что Мадониа не входил в их среду. Даже если все присутствовавшие в ресторане были иммигрантами, они давно уже стали ньюйоркцами и чувствовали себя как

² Маленькая Италия (ит. *Piccola Italia*, англ. *Little Italy*) – собирательное название городских кварталов и районов в разных странах, в которых компактно селились итальянские иммигранты в XIX–XX веках. Такие «маленькие», и даже относительно «большие Италии» стали неотъемлемой частью городского пейзажа стран эмиграции. Свою известность итальянские кварталы получили как за знаменитые и весьма изысканные итальянские рестораны и модные бутики, так и за менее привлекательные стороны – грязь, бедность, высокую преступность, малообразованность основной массы населения, засилье мафии. Самыми знаменитыми «маленькими Италиями» стали италоязычные кварталы Нью-Йорка – Маленькая Италия на Манхэттене и итальянский Гарлем. Городское обновление конца XX века немного сгладило бывшие острые социальные противоречия «маленьких Италей», но не избавилось от них полностью. – *Примеч. ред.*

дома на кипучих улицах колонии выходцев из Италии. Мадониа же впервые приехал на Манхэттен всего неделю назад и не знал города. Для того чтобы сориентироваться в Маленькой Италии, ему требовались провожатые, и это приводило его в замешательство. Хуже того, его все больше беспокоили эти люди, которых он едва ли знал: они бормотали своими низкими голосами что-то невнятное и вели речь столь туманную, что он никак не мог понять, о чем они говорят.

Мадониа не довелось узнать разгадку этой тайны. Едва сицилиец закончил свой обед, как дверь, ведущая в зал, распахнулась с громким щелчком, эхом прокатившимся по залу, и на пороге появилась вторая группа людей. В тусклом дрожащем свете газовой лампы Мадониа разглядел лицо одного из вошедших: это был Томмазо Петто – гора мышц, всем своим видом внушавшая угрозу. Его прозвали Быком из-за широкой грудной клетки, сильных рук и ограниченных умственных способностей. Позади него притаилась другая фигура, на мгновение показавшись силуэтом на фоне стены. Это был худощавый человек среднего роста. Его глаза, черные как уголь, будто зияли дырами, просверленными в черепе. Лицо незнакомца было невыразительным и изможденным, кожа – грубой, подбородок и щеки не выбриты. Усы выглядели клочковатыми, как у классического разбойника.

Бык инстинктивно посторонился, пропуская второго человека в зал. Когда тот вошел, среди присутствовавших пробежала волна беспокойства. Это был их предводитель, и они выказывали ему свое почтительное отношение, исполненное страха. Ни один из этих пяти или шести человек не мог выдержать его пристального взгляда.

Мадониа тоже оказался во власти того ужаса, который внушал другим черноглазый человек. Голос его был сух, жестикуляция невыразительна и скупа. Помимо всего прочего, нечто настораживающее таилось в том, что правая сторона его тела была закутана в просторную коричневую шаль. Мадониа знал, что рука, которую он прятал, сильно деформирована. Предплечье было вдвое короче, чем у нормального человека. Еще ужаснее было то, что рука казалась не чем иным, как клешней. На ней с рождения отсутствовали первые четыре пальца. Оставался только мизинец, бесполезный в своем одиночестве, словно жестокая шутка неведомого равнодушного божества. Черноглазого звали Джузеппе Морелло. Своей искалеченной конечности он был обязан прозвищем Клешня.

Морелло не стал тратить время на церемонии. Одно движение его левой, здоровой, руки – и двое мужчин из тех, кто сидел у стены, вскинулись, крепко схватили руки Мадониа, каждый со своей стороны, и подняли его на ноги. Пленник пытался сопротивляться, но недолго и без особого результата. Не слишком нежно зажатые запястья и плечи не оставляли шансов на освобождение. Кричать было бесполезно: зал находился слишком далеко от тротуара, чтобы туда долетел даже испущенный в полную силу вопль ужаса. Пленнику, наполовину стоявшему, наполовину поддерживаемому под руки, оставалось только беспомощно корчиться и наблюдать, как к нему приближается черноглазый человек.

Подробности того, что произошло между Мадониа и Клешней, остаются до конца не выясненными. Могла состояться короткая, наполненная яростью беседа. Скорее всего, в ней использовалось словечко *nemico*³, что означает «враг». Не исключено, что Мадониа, осознавший к тому времени смертельную опасность своего положения, умолял о пощаде. Если так, то его слова не возымели действия. Еще одно движение руки черноглазого человека – и два его помощника, удерживавших пленника, поспешно поволокли его по полу по направлению к ржавой раковине. Чья-то рука грубо схватила Мадониа за волосы и рывком закинула его голову назад, открыв шею. В этот момент третий человек выступил вперед. В руке его был зажат стилет – кинжал с тонким клинком, заточенным до остроты бритвенного лезвия, длиной

³ *Nemico* (ит.) – враг. В этом слове, как и в большинстве слов итальянского языка, ударение ставится на предпоследний слог. – Примеч. пер.

где-то четырнадцать дюймов⁴. Секундная пауза, чтобы оценить угол и расстояние, – и лезвие вошло в глотку наискось, над адамовым яблоком.

Удар был нанесен с такой силой, что клинок пронзил трахею Мадониа по направлению спереди назад и продолжал движение, пока не уперся в позвоночник. Когда оружие было извлечено, те, кто держал жертву, почувствовали, как тело обмякло, конечности стали податливыми и безвольными. Приложив всю силу, они вновь подняли умирающего на ноги, и тут к нему приблизился Бык, держа в руке собственный нож. Мощным стремительным ударом слева направо он рассек толстый трехслойный льняной воротник Мадониа, его глотку и яремную вену – разве что не обезглавил пленника.

Этот акт насилия был столь же шокирующим, сколь и тщательно продуманным. Пока жизнь покидала Мадониа, те, кто схватил его под руки, удерживали голову строго над раковиной, чтобы очередная порция крови, выплескивавшаяся из сосудов с ударами сердца, с бульканьем стекала в сливную трубу. Те немногие капли крови, что избежали этой участи, остались на одежде жертвы или впитались в опилки под ногами. На половицы, которые могли стать уликами, не попало ни капли.

Напор потока крови спал через минуту. Толстые пальцы обхватили изрезанное горло Мадониа и повязали вокруг него прямоугольный кусок грубого холста. Крупноволокнистая ткань впитала последние струйки, вытекавшие из ран, после чего труп был сложен вдвое, поднят и перенесен в центр зала. Там другие руки подкатали бочонок метровой высоты, из тех, в которых оптовые торговцы поставляли товар в магазины Нью-Йорка. Изнутри бочонок вымазали грязью и опилками, целый слой которых был собран с пола, чтобы они впитали кровь, если она еще осталась. После этого мертвое тело было засунуто в бочку с варварской жестокостью.

Из бочки остались торчать рука и нога, но это не имело значения: Морелло и его люди не собирались скрывать тело. Труп Мадониа должен был быть обнаружен, а раны на теле должны были послужить средством устрашения. Тем не менее допускать, чтобы его обнаружили раньше времени, тоже не следовало. Торчащие из бочки конечности укутали в старое пальто с тщательно удаленными этикетками, и бочонок покатали в салун и далее, через открытую дверь, – в переулок. Там в темноте ждала выдавшая виды крытая повозка, запряженная одной лошадью. Несколько сицилийцев совместными усилиями загрузили в нее свою ношу. Два человека, одетые в тяжелые плащи, вскарабкались на козлы. И, под скрип рессор и стук копыт, Бенедетто Мадониа отправился в свое последнее путешествие.

Через час или позже, сразу после рассвета, уборщица, которую звали Фрэнсес Коннорс, вышла из своей квартиры в Ист-Сайде и направилась в ближайшую пекарню, чтобы купить булочек.

Район, в котором она жила, был доведен до безнадёжного уровня обнищания. Жилище Коннорс находилось между обветшавшим извозничьим двором, о предназначении которого сообщала вывеска с облупившейся краской, и целым рядом шатких рекламных щитов, подпертых чугунным металлоломом. Справа, стоило выйти из квартиры, река Ист-Ривер разливалась лужей зловонных отбросов напротив полуразрушенных причалов. Слева на здание фабрики навалился амбар, полный гогочущей живности. А прямо по ходу, там, где 11-я Ист-стрит⁵ пересекала Авеню Ди⁶, располагалась пекарня, к которой и направлялась Коннорс, минуя склад

⁴ 14 дюймов – примерно 35 сантиметров. – *Примеч. пер.*

⁵ Названия нумерованных улиц на Манхэттене адаптированы для русского читателя. На самом деле в английском наименовании, к примеру, East 11th Street слово East обозначает район Ист-Сайд, как и слово West обозначает Вест-Сайд в названиях улиц в западной части Манхэттена. – *Примеч. пер.*

⁶ Авеню D – самая восточная авеню Манхэттена. Многие из жилых комплексов на авеню D относятся к социальному жилью, предназначенному для беднейших жителей города. – *Примеч. ред.*

лесоматериалов «Мэллет энд Хэндлс»⁷ со стенами, иссеченными следами неудачных разгрузок.

«Мэллет энд Хэндлс» был настолько же грязным и захудалым, насколько и сама 11-я Ист-стрит. Его двор источал гнилостный запах отходов, его стены прорезали оспины немых окон, прикрытых для защиты мелкой проволочной сеткой. Большую часть времени товар лежал снаружи, хаотично сваленный в кучи, что заставляло проходивших мимо лавировать между грудами древесных обрезков. В то утро, однако, путь Коннорс преградило другое препятствие. Прямо посреди тротуара стояла бочка, прикрытая старым пальто.

В соседних домах зажигались огни, и дождь почти прекратился, но для портовых грузчиков и рабочих потогонных производств⁸ было еще слишком рано. Никто не видел, как миссис Коннорс подошла к бочке. Никто не видел, как она прикидывает размеры препятствия или поднимает край пальто, чтобы заглянуть внутрь. Но все ее слышали. То, что увидела Коннорс, вызвало у нее крик, полный такого ужаса, что из окон по всей улице стали высовываться головы. Уборщица обнажила правую руку и левую ногу трупа. Под ними из опилок, перемешанных с кровавыми стусками, выглядывало лицо с высоким лбом, глазами цвета каштана и густыми темными волосами.

На крики Коннорс прибежал местный сторож. Он, в свою очередь, вызвал полицию. Патрульный Джон Уинтерс, не мешкая прибывший на место со своего поста поблизости, стянул с бочки пальто и сразу же увидел, что человек в бочке мертв; доказательством являлось то, что его горло было перерезано, а кожа бела как мел. Длинными свистками полицейский вызвал подкрепление. Один человек был отправлен позвонить сотрудникам Детективного бюро, а остальные приступили к изучению своей находки.

Это была ужасающая работа. Все, к чему прикасался Уинтерс, было липким от крови; лицо и тело мертвеца были забрызганы, а одежда пропитана ею; кровь сочилась между досками. Но свидетельств тому, как бочка попала на 11-ю Ист-стрит, практически не было. Дождь не оставил ничего, что подтверждало бы присутствие крытой повозки: отпечатки ног растворились в грязи, следы колес размылись. И хотя сержант Бауэр из полицейского участка на Юнион-стрит, проходивший мимо склада лесоматериалов в 5:15 утра, был убежден в том, что бочки на тротуаре не было, квартирный опрос по обеим сторонам улицы не выявил ни одного человека, который видел бы повозку, когда она гроыхала по дороге, или имел бы представление о том, как можно было разгрузить ее во дворе «Мэллет энд Хэндлс», да так, что никто этого не заметил.

Судебная медицина Манхэттена на рубеже веков находилась в зачаточном состоянии. Дактилоскопия, незадолго до того введенная в Скотленд-Ярде, еще не была принята на вооружение Департаментом полиции Нью-Йорка⁹, и сама мысль о неприкосновенности места преступления была чем-то доселе неслыханным. Не озаботившись тем, чтобы дожидаться прибытия детективов из 14-го полицейского участка, Уинтерс вытащил тело Мадонии из бочки – задача не из легких, поскольку его намертво заклинило внутри, – и разложил прямо среди луж, чтобы исследовать на предмет улики. Для защиты тела от непогоды не было предпринято никаких усилий, но патрульный заметил две важные детали: пальто, которым была накрыта бочка, лишь слегка намокло, несмотря на то, что всю ночь моросил дождь, а тело под ним оставалось

⁷ В оригинале – *Mallet & Handle's*, что переводится как «Молот и рукоятка». – *Примеч. пер.*

⁸ Потогонная система (*англ.* Sweating system), *экон.*, форма производства, допускающая самую крайнюю эксплуатацию трудящегося, отсюда назв. «система выжимания пота». В крупных городах Зап. Европы и Америки, где имеются постоянные кадры безработных и непрерывный приток эмигрантов, посредники и скупщики в некоем ремеслах, например портняжном, заставляют их работать по 18 часов в сутки в ужасной гигиенич. обстановке за ничтожную плату (Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. Т. II, вып. 3. 1909). – *Примеч. ред.*

⁹ Департамент полиции Нью-Йорка (*New York Police Department*) – тот самый NYPD, знакомый всем любителям современных полицейских фильмов и сериалов. – *Примеч. пер.*

теплым на ощупь. Было совершенно ясно, что изувеченный труп был оставлен здесь совсем недавно, а смерть наступила в не столь отдаленном прошлом.

Провести систематический досмотр было поручено сержанту уголовной полиции Артуру Кэри. Этот полицейский, уже имевший за плечами опыт расследования убийства, первым прибыл на место преступления. Он пометил ярлыками содержимое карманов Мадониа; оно состояло из распятия, штемпель-календаря¹⁰, единственного пенни и нескольких носовых платков – один из них, маленький и пропитанный духами, очевидно, принадлежал женщине. С жилетки на трупе свисала цепочка от карманных часов, но сами часы отсутствовали; не было бумажника, и на одежде не обнаружилось нашивок с именем. Даже этикетки с нижнего белья были удалены. «На теле не было, – признал детектив после осмотра, – ни единого обрывка информации, который помог бы установить личность».

Гораздо увереннее Кэри чувствовал себя при определении национальности жертвы. Судя по внешности, убитый был представителем какой-либо из стран Средиземноморья. Более того, в кармане брюк обнаружилась скомканная записка, написанная женской рукой на итальянском языке. Обе мочки ушей были проколоты для ношения сережек, что является обычным делом на Сицилии, и раны от стилета на шее Мадониа выглядели в прямом смысле до крови знакомо. За свою карьеру детектив успел обследовать жертв нескольких актов итальянской вендетты. Он заключил, что вероятнее всего этот человек погиб в ходе одной из кровавых распрей, которые нередко сотрясали Маленькую Италию.

Не все коллеги Кэри разделяли его уверенность. В первые часы после убийства некоторые офицеры разрабатывали версию о том, что человек пал жертвой жестокого ограбления или даже преступления на почве страсти. Обсуждалась также возможность того, что умерший был греком или сирийцем. Большинство полисменов, однако, были согласны с логическими заключениями сержанта. В конце концов, каждый год в итальянских районах города случались десятки убийств, и большая их часть становилась результатом смертельных междоусобиц, с которыми Кэри был хорошо знаком. Раскрыты были лишь единицы преступлений; полиция Нью-Йорка (примерно на три четверти состоявшая из ирландцев) не стремилась разобраться в том, что происходило в Маленькой Италии. Ей приходилось иметь дело со свидетелями и подозреваемыми, которые недостаточно хорошо изъяснялись на английском и были отнюдь не расположены впутывать в свои дела органы власти. Раскрыть даже те преступления, в которых личность убийцы и причины убийства были известны всему сообществу иммигрантов, оказывалось для детективов практически невыполнимой задачей.

Из первоисточника следует, однако, что это дело не было оставлено без внимания. Жестокость нападения и невиданные доселе обстоятельства обнаружения бочки имели все признаки большой сенсации. К тому времени, когда Кэри завершил первичный осмотр, примерно в 6:15 утра, тротуары близ «Мэллет энд Хэндлс» наводнили зеваки, сгрудившиеся у места преступления в надежде увидеть тело, к тому времени уже укрытое саваном. Отряду полицейских, вызванных из ближайших участков, пришлось сцепить руки¹¹, чтобы сдерживать толпу, численность которой быстро достигла нескольких сотен человек. Появились и первые репортеры, которые на скорую руку набрасывали свои заметки, исходя из того, что было известно на тот момент. Кровавому убийству всегда открыт путь на первую полосу.

Ко времени завтрака свежий запах сенсации привлек целую стаю полицейских чинов всех рангов. Среди старших офицеров, охочих до внимания присутствующих, был Джордж Маккласки, глава Детективного бюро, который возглавил расследование. Высокий, красивый мужчина, с аккуратной прической и густыми усами, Маккласки отслужил в Бюро уже десять

¹⁰ Штемпель-календарь – компактное устройство с рукояткой, печатавшее дату на бланках писем, конвертах и счетах, а также на различной документации в конторах и присутственных учреждениях. На штемпеле обычно размещались имя, фамилия, место жительства, звание и род занятия владельца. – *Примеч. ред.*

¹¹ Сейчас бы сказали «встали в цепку». – *Примеч. ред.*

лет и обладал такой самодовольной манерой держаться и такой самоуверенностью, что за спиной его называли не иначе как Грудастый Джордж. Мнение инспектора о своих способностях, однако, не соответствовало реальности. Следователь из Маккласки был неуклюжий, слишком уверенный в безупречности своих выводов и лишенный той проницательности и того чутья, которые присущи лучшим детективам. Кроме того, он имел обыкновение спешить и слишком часто производил преждевременные аресты. По-настоящему трудное дело – а им, как опасался Артур Кэри, и станет тайна бочки – могло легко поставить его в тупик.

К счастью для полиции, Кэри уже предпринял шаги для облегчения ситуации. Предположительная идентификация жертвы как сицилийца побудила его обратиться за помощью, и она прибыла в виде коренастого человека в бесформенном пальто, лицо которого было наполовину скрыто под котелком. Новопришедший, чей вид не сулил ничего хорошего, оказался сержантом Джозефом Петрозино. Он родился в Падуле, к югу от Неаполя, и ныне слыл в Нью-Йорке экспертом в области итальянской преступности. Петрозино был, возможно, самым узнаваемым офицером во всем Департаменте: кожа изрыта оспинами, черты лица – грубые, на грани уродливости, а рост невелик даже по меркам того времени – пять футов три дюйма¹². Обычно для того, чтобы казаться выше, он носил в туфлях специальные стельки. Однако неординарная стать Петрозино была так же обманчива, как пустой взгляд и туповатое выражение, которое часто принимало его лицо. Сержант весил примерно триста фунтов¹³, и большая часть этого веса приходилась на мышцы. Сотрудник окружной прокуратуры, который хорошо знал его, писал: «У него были огромные плечи и бычья шея, которую венчала большая круглая голова, напоминавшая тыкву. Лицо его было рябым, и он редко улыбался, но дело свое выполнял методично, а оно заключалось в том, чтобы выкурить итальянских преступников из города и из страны».

Петрозино понадобилось всего несколько минут, чтобы осмотреть двор, тело и пригоршню вещей, извлеченных из карманов Мадониа. Затем он и Кэри обратили свое внимание на бочку, в которой было найдено мертвое тело. Сделана она была дешево, без обручей, и теперь, когда из нее удалили тело, детективы увидели, что ее дно покрывает слой опилок толщиной в несколько сантиметров. Двое полицейских поочередно залезали внутрь бочки и просеивали пропитанные кровью сосновые крошки, в которых обнаружились шпилька для волос, луковая шелуха и несколько окурков черных сигар (по словам Петрозино, итальянского производства) – мусор с пола в ресторане, как отметил детектив. Кэри, проведя пальцем по внутренней поверхности доски, ощутил трение крохотных гранул. Некоторые из них застряли у него под ногтями; он поднес руку ко рту, коснулся их кончиком языка и почувствовал вкус сахара. Это означало, что бочка могла какое-то время принадлежать кондитерскому магазину или кафе.

Самая важная улика была обнаружена, только когда утро сменилось днем. Добравшись до дна бочки, Кэри различил следы выцветшей трафаретной надписи. Это была нанесенная теперь уже поблекшими чернилами эмблема W&T. Также вдоль доски был виден полустертый серийный номер: G.223. Два детектива посмотрели друг на друга. Наконец они нашли зацепку, которая позволяла двигаться дальше.

Основные сахароперерабатывающие заводы Нью-Йорка скучились на дальней стороне Ист-Ривер, изрыгая дым по всей береговой линии. Остаток утра и часть дня Кэри потратил на скитания от одного завода к другому, пока наконец не нашел предприятие, клерки которого узнали эмблему, нанесенную по трафарету. Они сообщили детективу, что буквы W&T были инициалами одного из покупателей продукции завода – «Уоллес энд Томпсон»,

¹² Пять футов три дюйма – около 1 метра 60 сантиметров. – *Примеч. пер.*

¹³ Триста фунтов – 136 килограммов. – *Примеч. пер.*

бакалейщика с Вашингтон-стрит. Номер G.223 обозначал недавнюю партию товара, состоявшую из шести безобручевых бочек сахара.

Сотрудник «Уоллес энд Томпсон» во многом помог расследованию. Он припомнил подробности заказа и сообщил Кэри, что все шесть бочек уже распроданы. Часть бочек из этой партии развалились, и товар из них продавали упаковками по пять килограммов. Остальные три бочки были проданы целиком.

Кэри задал вопрос: «Есть ли среди ваших покупателей итальянцы?»

«Только один, – ответил сотрудник, – Пьетро Индзерилло. У него кондитерская на Элизабет-стрит». Индзерилло купил две бочки сахара для своего «Кафе Пастиччерия» – популярного места встречи среди иммигрантов из рабочего класса, располагавшегося в двух шагах от салуна на Принс-стрит.

Отправив Петрозино короткое сообщение с приглашением присоединиться, Кэри устремился в Маленькую Италию.

Санитарная карета доставила тело Мадониа в городской морг к середине утра. Хирург коронера, доктор Альберт Уэстон, уже ожидал его. Он произвел быстрое и результативное вскрытие, занеся в протокол описание внешнего вида, перечислив раны и проинформировав полицию о том, что анонимная жертва лишилась жизни между половиной четвертого и четырьмя часами утра. Осмотр также выявил несколько новых улик. Уже после смерти в области лица были нанесены семнадцать отдельных ножевых ранений – по предположению коронера, в знак мести. Едва начавшая перевариваться сицилийская пища, которую Уэстон обнаружил в желудке убитого, была первым убедительным подтверждением догадки Маккласки о национальности Мадониа и о том, чем он был занят незадолго до гибели.

По окончании вскрытия Уэстон положил тело на ледовую подушку¹⁴. Это позволяло сохранить его по меньшей мере на несколько недель, пока будут проводиться попытки установить личность погибшего. Вскоре после обеда к моргу начали стекаться первые полицейские и потенциальные свидетели из того большого потока, который Маккласки направил туда в надежде, что кто-либо опознает это наводящее ужас лицо. В общей сложности мимо тела прошли более тысячи человек. Уэстон даже позволил фотографу из *New York Journal* – издания, принадлежавшего Уильяму Рэндольфу Хёрсту и вечно копавшегося в чужом нижнем белье, – сделать снимок трупа, лежавшего на столе. Подобные вещи обычно не одобрялись, но *Journal* с его кричащими заголовками, простыми текстами и обилием иллюстраций мог похвастаться бóльшим тиражом среди иммигрантского сообщества, чем любая другая газета Нью-Йорка. К вечеру полмиллиона его читателей увидели бы лицо мертвеца. Наверняка кто-то из них смог бы его опознать.

Маккласки донес информацию, полученную от Уэстона, до своих людей. Никто не мог сказать, что полиция не приложила все возможные усилия для раскрытия дела. Сотни детективов из полицейских участков по всему городу оставили свои текущие дела, чтобы допрашивать осведомителей и выискивать новые улики. Фактически в расследование были вовлечены все люди в полицейской форме. Даже искушенные репортеры криминальных новостей едва могли припомнить, чтобы львиная доля ресурсов правоохранительных сил когда-либо была брошена подобным образом на одно дело. Тем не менее к середине дня именно Кэри и независимо от него – Петрозино, а не кто-либо из тысяч офицеров Департамента полиции Нью-Йорка, наткнулись на зацепку, достойную внимания. Таинственный человек в хлипком бочонке, казалось, возник ниоткуда; никто не видел, чтобы он шатался по городу, никто не заметил чего-либо подозрительного и не имел ни малейшего представления о том, как прилично одетый сицилиец с глазами цвета каштана нашел столь ужасный конец.

¹⁴ Лед в те времена продавался большими блоками. Ледовая подушка (*bed of ice*) получалась путем измельчения этих блоков специальными инструментами. – Примеч. пер. при участии авт.

Никто, кроме человека в безмянном кабинете на Уолл-стрит, который видел Мадониа один раз, за день до убийства.

Самый внимательный читатель вечерней прессы раскинулся в кресле за рабочим столом в здании Казначейства Манхэттена, со все возрастающим любопытством пролистывая страницы газеты, пестрящие сведениями о расследовании тайны бочки.

Уильям Флинн был главой Нью-Йоркского отделения Секретной службы США, что делало его наиболее важным агентом в стране за пределами Вашингтона. Уроженец Манхэттена, сын ирландского иммигранта, получивший образование в государственных бесплатных школах, Флинн выглядел совсем не так, как в представлении большинства должен выглядеть правительственный служащий. Ему было тридцать шесть. Он был высок, коротко стрижен, с круглой головой, с мощным телосложением полупрофессионального бейсболиста, каковым он являлся на третьем десятке лет своей жизни, и лицом, на котором, как результат слишком большого объема сидячей работы, наметились пухлые щеки и двойной подбородок. Биография Флинна тоже мало подходила агенту Секретной службы: в 15 лет оставив школу, он стал работать сантехником, а позже несколько лет служил охранником в нью-йоркской тюрьме. Однако он был намного умнее, чем можно было бы предположить по его незапоминающемуся внешнему виду и очертаниям тела, напоминавшим сардельку. За шесть лет, прошедших с тех пор, как он присоединился к Секретной службе, шеф Флинн проторил такой карьерный путь через Новый Орлеан, Вашингтон и Питтсбург, что Джон Уилки, директор агентства, лично выбрал его для назначения на самую непростую должность, которую только могла предложить Служба. Теперь он находился здесь, на Уолл-стрит, и был самым главным детективом правительства США.

Работа Флинна заключалась в том, чтобы не допускать распространения фальшивых денег и поддельных векселей в самом большом городе страны. Пусть сегодня наиболее известной стороной деятельности Секретной службы является охрана президента, она всегда была и остается подразделением Казначейства. Служба была основана после Гражданской войны в США¹⁵, в то время, когда почти половина всех наличных денег, находившихся в обороте, были поддельными. Ее первейшей обязанностью являлось поддержание непоколебимой уверенности населения в ценности доллара. К исполнению роли защитника агентство подтолкнул случай: один из предшественников Флинна в нью-йоркском отделении был понижен в должности из-за того, что неформально назначал людей для охраны президента Кливленда. Однако даже в 1903 году, уже после того, как убийство Уильяма Мак-Кинли¹⁶ вынудило Вашингтон отнестись к проблеме более серьезно, девять десятых личного состава Секретной службы и практически весь ее бюджет были отданы борьбе с подделкой денег. Эта работа требовала незаурядных способностей. Фальсификаторы редко совершали грязные преступления, новости о которых красовались на первых полосах газет; они могли работать кем угодно и где угодно и нередко даже поощрялись за трудовые достижения. Необходимыми качествами для того, чтобы выследить их и предъявить неопровержимые улики их преступной деятельности, были терпение, дотошность и хитрость. Этих качеств Флинну было не занимать.

Проблема контрафакта в Нью-Йорке стояла особенно остро. В обороте находились большие партии поддельных банкнот и монет. Лишь небольшая часть их была выполнена на должном уровне; в основном это были изображения, плохо напечатанные на бумаге низкого каче-

¹⁵ Гражданская война в США (Война Севера и Юга; англ. *American Civil War*) – гражданская война 1861–1865 годов между Союзом 20 штатов и четырех пограничных рабовладельческих штатов Севера, оставшихся в Союзе, с одной стороны, и Конфедерацией 11 рабовладельческих штатов Юга – с другой. – *Примеч. ред.*

¹⁶ 6 сентября 1901 года на Панамериканской выставке в Буффало президент был ранен американским анархистом Леоном Франком Чолгошем. Первая пуля убийцы, стоявшего буквально в метре от президента, отскочила от пуговицы его смокинга, не причинив ему никакого вреда. Но вторая пуля попала в живот, повредила внутренние органы и застряла в спине. Несмотря на своевременную операцию, через неделю после ранения, 14 сентября Мак-Кинли скончался от осложнений раневой инфекции. – *Примеч. ред.*

ства, и монеты грубой чеканки достоинством в половину и четверть доллара. Эти безыскусные подделки не претендовали на то, чтобы одурачить банковских работников или сотрудников Казначейства; их вводили в оборот мелкие жулики, известные как «шняготолкатели», которые покупали их у производителей со скидкой и наудачу сбывали измотанным работой барменам и продавцам. Подобная деятельность проходила намного легче в бедных иммигрантских районах, где толпы были гуще, а люди – проще. По этой причине контрафактное производство получило особенное распространение в еврейских и итальянских кварталах Нью-Йорка – и по этой же причине Флинн предыдущим вечером околачивался возле мясной лавки на Стентон-стрит в Маленькой Италии.

Начиная с весны 1899 года Секретная служба получала сведения о том, что сицилийские изготовители контрафактной продукции переправляли фальшивые деньги через Нью-Йорк, и за все эти годы ее агенты арестовали некоторое количество толкателей, которые, в свою очередь, являлись агентами преступных группировок. С полдюжины этих мелких рыбешек были осуждены и приговорены к тюремному сроку до шести лет. Незадолго до описываемых событий, в канун 1902 года, группа итальянцев была задержана в городе Йонкерс при попытке сбыть поддельные пятидолларовые банкноты, якобы выданные Железным банком Морристауна, штат Нью-Джерси. Трое участников этой банды предстали перед судом за месяц до «бочкового убийства». Они отправились в тюрьму, не проронив ни слова – к немалой досаде Флинна – и оставив в тайне как имена своих поставщиков, так и местонахождение печатных станков.

У Секретной службы ушло двенадцать недель и пропасть усилий на то, чтобы раскрыть загадку «морристаунских пятерок». В конце концов скрытое наблюдение и тщательная работа с осведомителями привели агентов к обшарпанной мясной лавке по адресу Стентон-стрит, 16, в двух минутах ходьбы от того ресторана, где встретил свой конец Мадониа. Как выяснил Флинн, в начале апреля у магазина сменился владелец. Новым хозяином стал влиятельный сицилиец по имени Вито Лядука.

След, который привел Флинна на Стентон-стрит, очень беспокоил главу Секретной службы. С одной стороны, предыдущий владелец мясной лавки – человек, который согласился продать магазин, – исчез в тот самый день, когда должна была совершиться продажа, и полиции не удалось найти ни единого его следа; у них росла уверенность в том, что он был убит. С другой стороны, сам Лядука был арестован несколькими неделями ранее. Его задержали в Питтсбурге в начале января по подозрению в сбыте тех самых пятидолларовых купюр, которые ныне имели хождение на Манхэттене. Хотя власти Пенсильвании не смогли придать обвинениям достаточную убедительность, в ходе расследования было установлено, что подельники Лядуки¹⁷ в Нью-Йорке были не из тех, кого избрал бы в друзья законопослушный гражданин. Одни, такие как кондитер Пьетро Индзерилло, чье кафе располагалось за углом, не имели приводов в полицию, но привлекали все больший интерес со стороны Секретной службы. Другие уже являлись известными преступниками. Самым устрашающим из них был глава фальшивомонетчиков, худощавый мужчина лет сорока, прибывший из Корлеоне, что к югу от Палермо. У него имелись судимости по обе стороны Атлантики: на Сицилии он был арестован за двойное убийство, а в Нью-Йорке – за подделку денег. Его особыми приметами были искаленная рука и черные как уголь глаза.

Репутация Уильяма Флинна строилась на выдающейся способности привлекать к ответу самых неуловимых фальсификаторов. На протяжении своей шестилетней карьеры он вышел на след десятков фальшивомонетчиков и не смог привлечь к суду только одного. Однако Джузеппе Морелло и его люди показали себя достойными противниками. Двумя месяцами ранее, в

¹⁷ В соответствии с требованиями русской грамматики, мужские и женские имена и фамилии, оканчивающиеся на – а, – я безударное, склоняются независимо от их языкового происхождения. В данной книге мы всецело стараемся соблюдать эти требования. – *Примеч. ред.*

начале февраля, Флинн поручил одному из своих осведомителей внедриться в банду, но сицилийцы были чрезвычайно привержены клану и сторонились чужаков. В марте Флинн попробовал другой подход. Он велел своему человеку завязать деловое знакомство с Мессиной Дженовой, державшим собственный магазин немного дальше по Стентон-стрит. Джованни Ля Кава, самый надежный человек шефа в Маленькой Италии, обратился к Дженове с предложением продать недвижимость по бросовой цене, но тот высокомерно отказал ему, отметив, что довольно сицилийцам подвергаться обману мошенников из материковой Италии. «Ля Кава хороший человек, – в отчаянии писал Флинн в Вашингтон, – но он не войдет в контакт [с ними]. Человеку со стороны проникнуть в банду практически невозможно».

Провал Ля Кавы стал ударом для Флинна, который был вынужден перейти к более долгосрочным мерам, чтобы собрать улики против фальшивомонетчиков. Поскольку в банде не было своего человека, для того, чтобы вычислить размер и структуру группировки, потребовались бы долгие часы скрытого наблюдения. Такое решение шеф предпочел бы не принимать: слежка в Маленькой Италии была делом нелегким; вдобавок она оттянула бы на себя значительную часть и без того ограниченных ресурсов. Для наблюдения за одним адресом требовалось по меньшей мере три оперативных сотрудника, а у него в распоряжении имелись лишь девять агентов на весь Нью-Йорк. Тем не менее с начала апреля люди Флинна заняли позиции на Стентон-стрит и начали вести подробные записи: кто и когда входил в мясную лавку или выходил из нее.

Это была утомительная и неблагодарная работа, которая требовала пронизательного взгляда и хорошей памяти на лица. Наблюдение начиналось каждый день в 8:00 утра и заканчивалось с наступлением темноты. Агенты Флинна, переодетые рабочими, торчали у входных дверей и тщательно следили за тем, чтобы не сболтнуть лишнего и тем самым не выдать себя в таком месте, где все говорили по-итальянски. Они сменяли друг друга каждые несколько часов, чтобы не мозолить никому глаза, и работали парами, чтобы, если один человек «сядет на хвост» подозреваемому, второй мог продолжать вести наблюдение.

Результаты первых двух недель работы вышли смешанными. Оказалось, что несколько самых частых посетителей магазина уже были хорошо известны Секретной службе. Со временем, с помощью и с подсказками от осведомителей, оперативникам удалось раскрыть с десятков имен членов банды фальшивомонетчиков. Семь или восемь остальных никак не удавалось идентифицировать, и 13 апреля, после работы, Флинн решил прогуляться по Стентон-стрит лично, чтобы произвести оценку ситуации на месте.

Был холодный и ветреный вечер, вот-вот готов был разразиться дождь, когда шеф сошел с трамвая на Бауэри, одной из основных магистралей в центре Манхэттена. Магазин Лядуки находился в сотне метров по улице, забитой тележками, уткнувшимися в поребрик, и уличными торговцами, которые создавали настоящую какофонию сицилийского сленга, предлагая со своих лотков буквально все – от крепежных изделий до овощей. Несмотря на погоду, тротуар и проезжая часть были запружены мужчинами, спешившими домой после работы, и женщинами, одетыми в черное и охотившимися за распродажами; повсюду стайками сновали дети в грубой одежде, игравшие между тележками либо выискивавшие еду или мелочь, завалившуюся в грязи. Флинн, завернувшись в пальто и наклонив голову навстречу ветру, пробирался сквозь толпу, пока не увидел одного из своих агентов, оперативника Джона Генри, который притаился за дверью через дорогу от мясной лавки. Генри болтался по соседству с 1:15 дня. Сейчас, как он наскоро объяснил Флинну, Морелло и двое его подручных держат совет в лавке Лядуки. Четвертый итальянец, прохожий, которого Генри до того не видел, покинул магазин немногим ранее. Теперь он примостился у уличного фонаря неподалеку и покурил сигарету.

Небо потемнело, а спор в мясной лавке становился все более жарким. Флинн и Генри продолжали наблюдение. Они были уверены, что фальшивомонетчики не видят их. Однако спустя некоторое время один из мужчин в доме 16 по Стентон-стрит отделился от участников

беседы и подошел к двери с молотком и занавеской в руке. Он закрыл вход куском ткани, отгородив внутреннее помещение от посторонних взглядов, в то время как тон приглушенных голосов, доносившихся из магазина, стал выше.

Лишенный возможности рассмотреть или расслышать что-либо важное, Флинн переключил внимание на незнакомца, курившего на улице. В сгущавшихся сумерках его лицо было не рассмотреть. Свет мерцающего фонаря падал под углом, скрывая большинство черт итальянца в тени, пока он затягивался сигаретой. Тем не менее Флинну удалось окинуть долгим взглядом его костюм – коричневый, насколько можно было разглядеть в угасающем свете, – и профиль. Флинн был уверен: если представится случай снова увидеть этого человека, он непременно узнает его.

Передовицы вечерних газет, прибывших в здание Казначейства на следующий день, были полны рассказами о тайне бочки. *Brooklyn Eagle*, *Sun* и *Evening World* одинаково потрясенным тоном докладывали, как на 11-й Ист-стрит было обнаружено тело, и в деталях живописали нанесенные ему раны. Предприимчивые газетчики разыскали Фрэнсес Коннорс и взяли у нее интервью, а также утомляли расспросами Маккласки, который сообщил им, что убийство, вероятнее всего, является актом мести. Пока истинный мотив преступления не был установлен, конкурирующие издания не стеснялись строить собственные предположения о том, кто и почему его совершил. «Видимо, смерть наступила в результате пыток, – предполагала *World*, и за этими словами почти физически ощущалось, как их авторы потирают руки. – На теле не было кровоподтеков, [и] похоже на то, что человека держали за руки и за ноги... Это одно из самых примечательных убийств, которые будоражили Нью-Йорк за последние годы».

Сидя в кабинете в конце дня, Флинн с интересом листал эти репортажи. Как детективу ему нравилось обдумывать подробности дела и ломать голову над главной его задачей – загадкой личности мертвеца. Если не брать в расчет правдоподобную версию о том, что убитый был итальянцем, никто из десятков журналистов и сотен патрульных, которые прочесывали Манхэттен, не имел представления, кто он такой. *Eagle* сосредоточила внимание на порванном листке бумаги, обнаруженном в кармане жертвы: сей листок, по мнению Маккласки, мог быть запиской, которую прислали, чтобы заманить несчастного в западню, но этот обрывок вряд ли послужил бы уликой. «Было чрезвычайно трудно расшифровать написанное из-за того, что буквы размыты, а бумага перепачкана кровью и обгорела», – жаловалась газета. Только *Mail and Express* выдала нечто более обнадеживающее: «Служащий Департамента уборки улиц по имени Дзидо приходил в полицейский участок и видел тело, – информировало читателей издание. – По его словам, покойник похож на человека, который, как он замечал, торговал рыбой в Ист-Сайде». Однако среди сотен жителей Ист-Сайда, присланных полицией посмотреть на труп, Дзидо был единственным, кому подумалось, что он узнал это лицо. «Двадцать часов усердных поисков, в которых участвовали три группы детективов и множество репортеров, не принесли ключа к разгадке личности убитого мужчины», – подытожила *Evening World*.

Пока у Флинна не было оснований полагать, что жертва бочкового убийства, обнаруженная на одной из улиц ирландского Ист-Сайда, была как-то связана с его собственным расследованием. И вдруг то, что он увидел на странице свежего номера *New York Journal*, заставило его выпрямиться в кресле. Ежедневное издание Уильяма Рэндольфа Хёрста опубликовало только одно фото мертвеца, лежащего на столе. Позиция для снимка была выбрана второпях, снято было хуже некуда – под малым углом к плоскости стола, так что лицо было видно только в профиль. И все же в его чертах мелькнуло что-то очень знакомое.

Флинн чувствовал, что он определенно видел этого человека раньше. Но где? Шеф затворил дверь, зажег сигару и стал перебирать в уме досье на подозреваемых. И в какой-то момент он вспомнил. Лицо человека в морге было лицом того незнакомца, которого он видел предыдущим вечером сторбившимся около уличного фонаря на Стентон-стрит. У него были такие же волосы и такой же прямой нос. Сложив газету, Флинн вызвал оперативника Генри. «Отправ-

ляйтесь в морг как можно скорее, – распорядился он. – И позвоните мне, как только увидите тело».

Генри уехал с Уолл-стрит в сопровождении двух агентов из числа тех, что вели наблюдение на Стентон-стрит. Они позвонили уже после 18:30. Все трое, как объяснял Генри, опознали в убитом человека из магазина Лядуки. Правда, оставалось место для сомнений. Лицо жертвы очень напоминало лицо того, кто маячил около фонаря накануне вечером, но вот одежда казалась другой. Человек из Маленькой Италии был одет в коричневый костюм-тройку. На покойнике в бочке костюм был синим.

Звонок Генри обеспокоил Флинна. Было крайне маловероятно, что потерпевший переменил одежду за те несколько часов, которые прошли с момента его появления на Стентон-стрит до насильственной смерти. После минутного размышления его озарило: он и его сотрудник могли пасть жертвой оптического обмана. Человек, которого они видели на Стентон-стрит, стоял почти непосредственно под косо падавшим электрическим светом, поэтому рассмотреть его одеяние в деталях было практически невозможно.

Догадка требовала проверки, и Флинн позвонил в полицейский участок Ист-Сайда, где находилось тело, и договорился о том, чтобы одежду убитого доставили в его кабинет. Пока посылка была в пути, он установил освещение над рабочим столом так, чтобы оно в точности имитировало фонарь у магазина Лядуки. Он тщательно подрегулировал абажур, чтобы тот светил под таким же углом, как лампа на Стентон-стрит, затем выключил остальные источники света в помещении. Вскоре в дверь постучали, и вошел агент с упаковкой, в которой находился покрытый кровавыми пятнами костюм. Флинн разорвал упаковочную бумагу и выложил костюм под косые лучи света. Затем отошел назад и прищурился.

Ткань выглядела коричневой. Он бросился к стоявшему на столе телефону и сделал срочный звонок инспектору Маккласки.

Тем временем в Маленькой Италии сержанты Кэри и Петрозино добрались до «Кафе Пастиччерия». Его владелец Пьетро Индзерилло был сухопарым, сидящим сорокачетырехлетним (намного старше, чем другие члены банды Морелло) мужчиной, щеголявшим немодными усами, да еще и почти безграмотным.

Кондитер неохотно сопровождал полицейских в свой погреб и позволил им осмотреть складские припасы. Петрозино не потребовалось много времени, чтобы найти бочку, наполненную сахаром, как две капли воды похожую на ту, которая появилась на 11-й Ист-стрит. Присев на корточки, чтобы получше ее рассмотреть, детектив заметил, что на ней была нанесена та же маркировка: трафаретная надпись W&T на основании и номер G.223 вдоль досок.

Индзерилло безо всякого принуждения признал, что приобрел две такие бочки у компании «Уоллес энд Томпсон», и казался невозмутимым, когда Петрозино спросил его, что случилось со второй бочкой. Лавочник ответил, что, когда она была опустошена, он отнес ее наверх и поставил в проулке, как и с полдюжины других. Потом он их продал. Это было обычным делом в районе: бочки являлись употребительными вещами, и он был счастлив продать их своим приятелям-сицилийцам, тем более что ему они были больше не нужны. Купить бочки пришли три или четыре человека, но описать их он не смог.

Петрозино записал показания Индзерилло. Но его словам он не поверил.

Благодаря Кэри, Флинну и Петрозино полиция теперь узнала о жертве бочкового убийства намного больше, чем утром того же дня. Стало известно, что в Нью-Йорке он был чужаком и имел связи с большой группировкой фальшивомонетчиков, а за несколько часов до смерти был замечен в обществе нескольких опасных преступников. Детективы также были уверены, что отследили бочку, в которой было обнаружено тело. Но одной необходимой детали все же не хватало. У полиции не было ни малейшей догадки, как звали убитого.

В полночь по звонку Флинна инспектор Маккласки прибыл в здание Казначейства на совещание по делу банды Морелло с двумя полицейскими старшего звания. Меньше чем за час

Флинн методично прошелся по всем данным, которые Секретной службе удалось раздобыть о фальшивомонетчиках: их именам, приводам и судимостям, масштабам и особенностям их деятельности. Он предупредил Маккласки о том, что Морелло является опасным субъектом: хитрым, умным и – в отличие от подавляющего большинства фальсификаторов – охотником до насилия. Его друзья Лядука и Дженова тоже не знали жалости, да и остальные участники банды были не менее грозными. Как выяснил Флинн, в число участников группировки входил и Джозеф Фанаро, рыжебородый гигант – ростом шесть футов четыре дюйма¹⁸ без обуви. Сотрудники Секретной службы видели, как он сопровождал жертву убийства по Маленькой Италии. Фанаро, как полагал шеф, было поручено присматривать за чужестранцем, чтобы тот не ускользнул.

Был уже почти час ночи, когда Флинн закончил, и беседа перетекла в обсуждение стратегии. Маккласки, прямолинейный как всегда, единственный из всех слишком хорошо понимал: начальство хочет свидетельств того, что дело движется вперед. Пресса тоже ждала решительных действий. На то, чтобы сидеть и смотреть, как развиваются события, нет времени; он и его люди, по его словам, повяжут всех членов банды Морелло на следующий же день, и он уверен, что по меньшей мере один из них заговорит на допросе. Тот факт, что аресты будут проходить как раз в такое время, чтобы попасть на первые полосы завтрашних газет, не был упомянут, но вряд ли он был случайным в ходе мыслей инспектора.

Флинн пришел в неописуемый ужас. Он настаивал на том, что в этом случае его расследование будет полностью скомпрометировано, и в любом случае еще слишком рано говорить об арестах. С большой долей вероятности Морелло и его люди знали все о бочковом убийстве, и тем не менее не было и тени доказательства того, что они действительно замешаны в этом деле, – следовательно, вполне возможно, что убийцы избегут наказания за недостаточностью улик. Лучшим выходом, убеждал шеф, станет продолжить наблюдение, которое почти наверняка выведет на новые зацепки. Ведь на тот момент Морелло не знал, что находится под наблюдением. Аресты же просто-напросто заставят банду все время быть настороже.

Маккласки не был склонен внимать уговорам Флинна и уступать. По правде говоря, дело об убийстве находилось вне юрисдикции Секретной службы; в действительности роль шефа в той операции, план которой они разрабатывали, сводилась к тому, чтобы выдать полиции членов банды. Спор продолжался еще около получаса. В итоге единственной уступкой, которую Флинну удалось вырвать у Грудастого Джорджа, оказалось обещание, что его людям будет разрешено обыскать дом Морелло после ареста.

К тому времени, когда Маккласки и его коллеги покинули здание, было 1:15 утра 16 апреля. Шеф задержался на работе, чтобы черкнуть записку директору Секретной службы Уилки с объяснением произошедшего. Через десять минут отправился домой и он.

Оперативники Флинна вернулись к наблюдению семью часами позже, заняв свой обычный пост на Стентон-стрит. Другие агенты заняли позиции неподалеку, у дома на Кристи-стрит, в котором располагалась квартира Морелло, и напротив кафе Индзерилло; еще двое фланировали по Бауэри. Каждую группу сопровождало вдвое большее количество детективов в штатском, что, с одной стороны, служило им поддержкой, но с другой – затрудняло задачу оставаться незамеченными.

План полиции был определенно амбициозен. Он предполагал, что агенты Флинна выявят около десятка членов банды фальшивомонетчиков и будут «вести» их по Нью-Йорку, пока все они не окажутся в зоне досягаемости властей. Опасность того, что в какой-то момент что-то пойдет не так, усугублялась категоричной убежденностью Маккласки в том, что первым непременно нужно арестовать Морелло. Его поимка должна была послужить сигналом для остальных команд захватить свои цели – требование столь же невыполнимое, учитывая уро-

¹⁸ Шесть футов четыре дюйма – 1 метр 93 сантиметра. – *Примеч. пер.*

вень развития средств связи того времени, сколь и задача преследовать большое количество осторожных сицилийцев по всему Нью-Йорку на протяжении половины суток или более, оставаясь незамеченными. В довершение всего, как предупреждал Флинн, фальшивомонетчики были вооружены.

15 апреля поставило перед нью-йоркским отделением Секретной службы такую задачу, с которой оно не сталкивалось ранее. Почти все агенты в городе были отозваны от других исследований и дислоцированы к югу от 14-й улицы. Сам же Флинн занял позицию в штаб-квартире полиции, чтобы помогать координировать операцию. Члены банды фальшивомонетчиков были «совами», и день их начинался поздно, но первый из людей Морелло был замечен уже в 10:45. Остальные были взяты под наблюдение один за другим, и к середине дня объектами слежки стали пятеро бандитов. Телефонные звонки, поступающие в штаб-квартиру, держали шефа в курсе происходившего, однако Морелло не спешил появляться. Флинн и Маккласки ждали, и их недобрые предчувствия все усиливались. День тянулся и тянулся, участники банды сновали между своими домами, магазином Лядуки, баром на Принс-стрит и «Кафе Пастиччерия». Под прикрытием кратковременных дождей несколько приспешников Клешни потерялись было на наводненных людьми улицах, но вновь возникли в поле зрения наблюдателей через несколько волнующих минут.

Весь день удача была на стороне Флинна, но к закату Морелло по-прежнему не было видно. Поскольку продолжать наблюдение в темноте особого смысла не имело, Маккласки был вынужден начать готовиться к прекращению операции на ночь. И вот в 19:10 дверь кабинета инспектора распахнулась. На пороге стоял оперативный сотрудник Секретной службы Генри, который примчался с Элизабет-стрит. Он сообщил, что в Маленькой Италии появился Морелло.

Новость, которую принес Генри, имела критическое значение. За фальшивомонетчиком, замеченным на Элизабет-стрит, следили до «Кафе Пастиччерия», где у него состоялся длительный разговор с Индзерилло. Маккласки и Флинн обсудили, что лучше предпринять в этом случае, и решили, что проводить арест двух вооруженных человек в пределах небольшого людного кафе будет слишком опасно. Лучше дать Морелло закончить свои дела и направиться домой. Предпочтительнее захватить этих двоих независимо друг от друга.

По всему городу зажигались огни, когда Генри и Флинн поспешили на увлажненную дождем Малберри-стрит. Генри торопился вернуться к наблюдению за Индзерилло, а Флинн вместо этого направился к выходу на Деланси-стрит – то место, которое, как ему было известно благодаря неделям, проведенным за наблюдением, Морелло непременно будет проходить на пути в свою квартиру. Разбрызгивая лужи, шеф пробежался по Ист-Хьюстон-стрит и по Бауэри, где встретил двух своих оперативников и четырех крепких сержантов уголовной полиции, стоявших у ограды на углу.

Семеро мужчин с нетерпением ждали появления Морелло, но он пока не выходил из «Кафе Пастиччерия». Ресурсы Флинна были настолько истощены операцией Маккласки, что не представлялось возможным выделить агентов для передачи сообщений, и некому было дать им знать, когда объект начнет движение. Такая неопределенность придавала наблюдению нервозности, тем более что оно растянулось на три четверти часа. Клешня появился на Деланси-стрит не ранее восьми часов вечера. Его тощий силуэт на мгновение вырисовался на фоне ярких огней Бауэри. Флинн принялся неистово подавать сигналы детективам. В это время из-за угла вывернул еще один человек, и шеф понял, что Морелло был не один. На пути к дому его сопровождал Бык Петто.

У двух сицилийцев не было шансов. Люди Маккласки напали на фальшивомонетчиков во мгновение ока. Четверо мускулистых полицейских набросились на Клешню, сбив его с ног и повалив на тротуар. Петто, который был выше и сильнее, получил удар кулаком между глаз, не

удержался на ногах и упал, и на него навалились два детектива. Скрученные бандиты пытались добраться до своих внутренних карманов, но полицейские перехватили их руки.

Тяжело дыша, детективы подняли Морелло и Петто на ноги и надели на них наручники. Затем они начали обыскивать задержанных. Оба оказались вооруженными до зубов. У Быка нашли пистолет в кобуре и стилет в кожаных ножнах; у его босса за пояс был заткнут полностью заряженный револьвер 45-го калибра, а к ноге привязан незачехленный нож. «Пробка, – отметил Флинн, неожиданно для себя почувствовав, что впечатлен, – надетая на кончик лезвия, предохраняла ногу от царапин и позволяла привести оружие в боевой режим одним движением, гораздо эффективнее, чем если бы он носил его в ножнах».

Пробираясь сквозь толпу взбуждаемых зевак, быстро собравшуюся вокруг, четыре детектива заломили задержанным руки за спину и потащили в сторону полицейского управления, где два фальшивомонетчика были помещены в отдельные камеры. Инспектор Маккласки выписал ордера на поимку остальных участников банды. Результаты, к счастью, не замедлили сказаться. Оперативник Секретной службы Фрэнк Бёрнс и сопровождавшие его полицейские загнали в угол одного сицилийца, за которым они наблюдали из подвала дома на Элизабет-стрит, и умудрились вывести его из здания, не привлекая внимания толпы. Пьетро Индзерилло был без происшествий арестован у себя в магазине, а Джозефа Фанаро схватили у ресторана Морелло на Принс-стрит. Ни одному из них не дали времени выхватить оружие. У детективов, ближайших соратников Маккласки, возникли проблемы на Бауэри, где два других члена банды засекли четырех полицейских, которые приближались к ним. Сицилийцы вытащили было свои револьверы, но полицейские обезоружили обоих при помощи дубинок, изъяв у задержанных еще два пистолета и целый набор стилетов.

Тем вечером были арестованы восемь членов банды Морелло, а в полночь попался девятый. Почти все оказались экипированы так же хорошо, как и их босс: на следующий день репортеров пригласили сфотографировать стол, который чуть ли не прогибался под тяжестью всех тех кинжалов и револьверов, что были у них изъяты, – правда, у большинства из них, к вящему неудовольствию Флинна, имелось разрешение на ношение оружия.

Маккласки упивался своим успехом. Один репортер описал его как «сияющего» и «представлявшего собой одну сплошную улыбку». Его люди, которым удалось совершить столько арестов без единого происшествия, тоже праздновали. Корреспондент *New York Sun*, однако, поделился следующим наблюдением: «Флинн и его агенты Секретной службы не улыбались и не выражали особой радости. Агенты, которые проделали всю мыслительную работу в этом деле, выглядели скучающими». Репортер был прав, отметив разницу в реакции детективов и оперативников Флинна, но сделал неверную догадку о ее причине. Шеф был не скучающим, а обеспокоенным. Он был уверен, что Маккласки только что совершил серьезную ошибку.

Уже следующим утром стало очевидно, что опасения Флинна были беспочвенными. Обыск квартир всех задержанных выявил большое количество корреспонденции, написанной на недоступном для понимания сицилийском языке, но не было найдено ни одного признака контрафакта: ни поддельных банкнот, ни фальшивых монет, ни печатных форм – ничего, что могло бы связать жертву бочкового убийства с людьми Морелло. Результаты не дали и «напряженные усилия», предпринятые полицией, чтобы выдавить из подозреваемых хоть сколько-нибудь полезных сведений, несмотря даже на применение методов третьей степени¹⁹. Ни один из арестованных не заговорил, а когда Флинн одного за другим приводил их в морг для опознания убитого, никто не проронил ни слова, означавшего, что они его узнали. Морелло, которого люди шефа видели беседующим с жертвой двумя днями раньше, «не выказал ни малейшего

¹⁹ Под названием «допрос третьей степени» (англ. *third degree*) в американской гражданской системе правосудия известен допрос с пристрастием – дознавательные мероприятия, при проведении которых используется физическое, эмоциональное или психологическое давление на допрашиваемого. – *Примеч. ред.*

признака того, что он узнал его или был взволнован, – писал разочарованный Флинн. – Он пожал плечами и заявил: “Не знаю”».

При отсутствии признаний дело Маккласки выглядело несостоявшимся. Несколько сигар, найденных в кармане у Петто, были идентичны тем, что Петрозино обнаружил на 11-й Ист-стрит. Образец опилок с пола в ресторане Морелло, взятый Кэри после ареста, выглядел таким же, как и пропитанная кровью стружка в бочке. При обыске неопрятной квартирки Морелло в мансарде дома на Кристи-стрит был найден воротничок такого же размера и фасона, как тот, что носил убитый. Этого вполне хватало для того, чтобы впечатлить репортеров, освещавших дело и писавших о том, что обвинения будут предъявлены со дня на день, но вряд ли было достаточно для того, чтобы убедить окружного прокурора или Секретную службу. «Полиция удвоила усилия, – вспоминал Флинн, – но все было без толку. Каждое направление, следуя которому мы ничего не получали, приводило в тупик. Каждая ниточка, а их было немного, только еще больше запутывала дело».

Прорыв, о котором молил судьбу Маккласки, произошел неожиданно, три дня спустя. Служащий отделения полиции, вскрывая корреспонденцию в управлении, обнаружил анонимное письмо, адресованное инспектору.

Записка начиналась словами: «Я знаю человека, которого нашли в бочке...

Он приехал из Буффало, на заработки... Он был осужден за подделку бумаг. Полиция арестовала тех, кого надо. Привезите осужденного Джузеппе ди Приемо из тюрьмы Синг-Синг, пообещайте ему свободу, и он расскажет вам много интересного. Сделайте, как я написал, и узнаете все, что нужно. Будьте здоровы.

Ваши друзья С.Т.»

Маккласки не раз перечел послание вдоль и поперек, но чувствовал, что понимания у него от этого не прибавилось. Очевидно, оно было написано итальянцем с ограниченными познаниями в английском языке, но неплохо осведомленным о банде Морелло. Упоминание о «подделке бумаг» давало основания полагать, что мертвец в бочке тоже был фальшивомонетчиком. Фраза о том, что он приехал из Буффало, тоже имела смысл – она объясняла, почему ни один житель Маленькой Италии не смог опознать тело. Однако имя Джузеппе ди Приемо для детективов из Бюро ничего не значило. Маккласки также не имел представления, почему этот человек должен быть заточен в Синг-Синг – пользовавшуюся мрачной славой тюрьму на берегах Гудзона в тридцати милях²⁰ к северу от Нью-Йорка, в которой провели определенную часть своей жизни многие преступники Манхэттена.

Тем не менее, если убийство явилось результатом «разборок» фальшивомонетчиков, значит, Секретная служба должна была располагать дополнительными сведениями. Короткий телефонный разговор с Уильямом Флинном на многое открыл глаза инспектору. Флинну было хорошо знакомо имя: ди Приемо, как он сообщил Маккласки, был членом банды Морелло среднего уровня, одним из четырех сицилийцев, которые были арестованы в канун Нового года за сбыт фальшивых пятидолларовых купюр в Йонкерсе. Он был родом из Леркара-Фридди, сицилийской глубинки, три года жил в Нью-Йорке и – благодаря недавнему приговору федерального суда – начал отбывать четырехлетний срок за подделку денежных средств. Шеф охарактеризовал ди Приемо как крайне неохотно идущего на контакт, но возможность скостить предстоящий срок могла заставить его говорить.

Учитывая, что расследование дела о бочке застряло намертво, а поездку от Нью-Йорка до Синг-Синга и обратно можно было уложить в один день, Маккласки решил отправить Пет-

²⁰ Тридцать миль – около пятидесяти километров. – *Примеч. пер.*

розино на свидание с заключенным ди Приемо. У детектива со знанием итальянского было куда больше шансов разговорить сицилийца, чем у его простого американского коллеги.

Большой угрюмый массив исправительного учреждения Синг-Синг врезался в обрывистые берега Гудзона в том месте, где река с широким изгибом уносила свои воды на запад, прочь от Нью-Йорка. Тюрьма была целиком построена из серого мрамора, в изобилии имевшегося в этой местности: вызывавшие клаустрофобию стены, окружавшие весь комплекс, главный блок с крошечными камерами (в длину и в ширину), зал приведения в исполнение смертных приговоров и множество производственных помещений, в которых каждый день принимались за работу тысячи арестантов. Это было ужасное место для заключения: тесное, с жесткой дисциплиной, стоявшее настолько близко к стремительным водам реки, что все вокруг было пронизано холодной сыростью. В камерах не было ничего, кроме шконки²¹, лампы, Библии и ведра для нечистот. Помещений для мытья не существовало в принципе, и вся тюрьма, по словам одного зрителя Синг-Синга, была охвачена «холодом, нависающим пеленой, и унынием, которое давит, как огромный мельничный жернов».

Для недавно прибывшего заключенного, такого как Джузеппе ди Приемо, Синг-Синг немногим отличался от преисподней. Исправительное учреждение располагалось на невысоком, но крутом берегу реки в километре вверх по течению от деревни под названием Оссининг. Его местоположение было тщательно спланировано таким образом, чтобы узников можно было привлечь к работе в каменоломнях по его периметру. Само название тюрьмы является искаженной индейской фразой *sint sincks*, что означает «камень на камне». Здание было построено в 1820-х его же первыми обитателями, и значительное количество осужденных продолжало добывать местный мрамор, вырубая и обрабатывая камни в суровых условиях. С годами, по мере того как тюрьма разрасталась, расширялся и диапазон отраслей ее промышленной деятельности. К 1903 году Синг-Синг являлся одним из крупнейших индустриальных комплексов в Соединенных Штатах. Предприятия в ее стенах производили чугунные печи и кованые цепи, а также изготавливали обувь. Новоприбывшие заключенные направлялись на работу в паровую прачечную, где трудились, по общему мнению, в наихудших условиях во всей американской тюремной системе – стирали, сушили, накрахмаливали, отглаживали тысячи рубашек за день, и все это при температуре, иногда превышавшей 150 градусов²².

Вероятно, исключительно острое чувство отчаяния побудило ди Приемо встретиться с Петрозино, когда тот приехал в Оссининг днем 19 апреля. Без сомнения, заключенный в полной мере обладал свойственной сицилийцам закоренелой антипатией к служителям закона. В начале разговора ди Приемо был холоден и немногословен и, несмотря на располагающую итальянскую речь детектива, казался не заинтересованным в том, чтобы отвечать на вопросы, кроме разве что самых простых.

За этими двоими было интересно наблюдать со стороны. Они принадлежали к одному поколению (Петрозино стукнуло тридцать шесть, ди Приемо – двадцать восемь), и в их внешности было много общего. Оба невысокие и коренастые, они обладали большой физической силой. Но у детектива было одно значительное преимущество перед молчаливым заключенным: сюрприз, способный заставить того разговориться.

– Вы узнаете этого человека?

²¹ В современном российском обществе за *койкой* закрепилось употребление в армейско-флотской среде, а за *шконкой* – в тюремной, хотя внешне они мало чем отличаются друг от друга: 1(2) – этажные сварные металлические конструкции. Предвосхищая возмущение тех читателей, которые ревностно выступают за несмешивание армейского и тюремного жаргонов, процитируем классическую книгу «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова, в которой, в частности, авторы описывают свой визит именно в Синг-Синг: «В каждой камере-каютке есть кровать, столик и унитаз... Две койки помещаются одна над другой...». – *Примеч. ред.*

²² 150 градусов по Фаренгейту – 65 градусов по Цельсию. – *Примеч. пер.*

Петрозино подтолкнул фотографию жертвы убийства по столу в направлении собеседника. Она была сделана в нью-йоркском морге после того, как сотрудник похоронного бюро предпринял все возможное, чтобы подлатать мертвеца. Рану на шее прикрыли высоким воротником, и несмотря на остекленелый взгляд, в целом лицо сохранило узнаваемые черты.

Ди Приемо глянул на фото и обмер.

– Да, – ответил он, неожиданно для себя теряя самообладание. – Конечно, я знаю этого человека. Это мой зять. Что с ним? Заболел?

– Он умер, – сказал Петрозино.

То, что случилось далее, удивило даже опытного детектива, за плечами которого был не один год службы. На мгновение воцарилась тишина. Затем ди Приемо, прожженный сицилийский фальшивомонетчик, покачнулся и рухнул на пол. Обморок, подумал Петрозино. Пара минут потребовалась для того, чтобы привести заключенного в чувство, – и еще несколько, чтобы он смог продолжить говорить. Теперь его манера держаться сменилась с подозрительной на откровенно недружелюбную. «Мой зять жил в Буффало, – вот все, что он сказал. – Там у него были жена и семья. Его зовут Бенедетто Мадониа. Его жена – это моя сестра».

Ди Приемо сообщил детективу адрес в Буффало, но наотрез отказался добавить что-либо еще. Петрозино не удалось выжать из него ни единого звука о том, что касалось убийства Мадониа или его отношений с Джузеппе Морелло.

Петрозино телефонировал в Нью-Йорк о последних новостях, и Маккласки перевел его звонок на Флинна. Когда зазвонил телефон, шеф находился у себя в кабинете с переводчиком с сицилийского, медленно продираясь сквозь груды писем и прочей корреспонденции, изъятых в комнате Морелло. Он был уверен, что сегодня уже видел имя Мадониа где-то еще, – и, пролистывая неряшливые приходо-расходные книги Клешни, наконец нашел его. На полях одной из страниц были наспех нацарапаны слова: «Мадониа Бенедетто, Трентон-авеню, 47, Буффало, штат Нью-Йорк». Флинн с интересом разглядывал эту заметку, написанную рукой Морелло. В отличие от прочих записей на странице, эта была сделана красным.

К тому времени, когда Петрозино приехал в Буффало, жена Мадониа уже знала о том, что случилось с ее мужем.

Малопрстойное издание *New York Journal*, связей у которого было побольше, а кошелек – потолще, чем у любой другой газеты в Нью-Йорке, получило рассказ о поездке Петрозино в Синг-Синг от источника в полицейском управлении сразу, как только итальянец позвонил с отчетом. Срочная телеграмма внештатному корреспонденту – и вот тем же вечером репортер в компании местного районного полицейского прибыл к месту проживания Мадониа в двухэтажном деревянном доме. Они обнаружили старшего из детей убитого – 21-летнего Сальваторе. Он сидел во дворе и наслаждался весенним воздухом.

Чувство такта Гарри Эванса, полицейского из Буффало, было весьма ограниченным. Представившись, он прямолинейно заявил:

– Полиция Нью-Йорка полагает, что итальянец, которого нашли с перерезанным горлом, – ваш отец.

– Я ничего не знаю об этом, – осторожно ответил Сальваторе.

– Ваш отец дома?

– Мой отец в Нью-Йорке, мы ждем его домой через несколько дней.

Эванс гнул свое:

– Знаете ли вы, жив ваш отец или нет?

– Думаю, жив.

Только когда репортер передал молодому Мадониа фотографию его отца в нью-йоркском морге, опубликованную в *New York Journal*, тот наконец осознал, что произошло. Потрясенный, сын убитого разрыдался и в слезах убежал в дом в поисках семейного портрета. Когда он поднес

одну фотографию к другой, сомнений не осталось: на обеих был изображен один и тот же человек.

– Вам лучше войти, – сказал юноша.

Петрозино прибыл в дом Мадониа на следующее утро. Вся семья была в трауре, а жена погибшего лежала в постели. Люси Мадониа чувствовала себя нездоровой еще до того, как до нее дошла новость о жестоком убийстве ее мужа. Сейчас она выглядела больной и значительно старше своих сорока двух лет.

Прошло много времени, прежде чем Люси признала, что ей было известно, чем занимался ее муж. Он был простым каменщиком, продолжала она утверждать в ответ на расспросы Петрозино, и никогда в жизни не попадал в беду. Да, Бенедетто делал все, что мог, для того чтобы помочь ее брату, когда они узнали о том, что его посадили в тюрьму. Он срочно поехал в Нью-Йорк на встречу с адвокатом, затем в Синг-Синг – навестить ди Приемо. Но его целью было просто сделать запрос на перевод шурина²³ в тюрьму в Эри, штат Пенсильвания, где членам семьи было бы значительно удобнее навещать узника.

Петрозино стоял на своем. У него имелся опыт ведения допросов, и он знал, когда стоит придержать информацию, а когда пустить ее в ход. К тому времени, когда он выложил все, что было известно о Бенедетто полиции и Секретной службе, Люси Мадониа ничего не оставалось, как признать, что ее муж был знаком с группой сицилийцев в Нью-Йорке. Ради них он «пустился в путь», добравшись на поезде от Питтсбурга до Чикаго, а оттуда – до Буффало. Что именно Мадониа делал во время этих визитов, Люси, по ее словам, не знала, но сотрудники Секретной службы, которым Петрозино представил ее показания по возвращении на Манхэттен, узнали один из излюбленных маршрутов фальшивомонетчиков. Это вполне согласовывалось с информацией неизвестного автора письма о том, что у себя на родине, на Сицилии, Мадониа был осужден за подделку бумаг.

Миссис Мадониа сообщила Петрозино еще кое-что. Ее брат, ди Приемо, писал ей более месяца назад о том, что он в беде. Вскоре после этого он телеграфировал о том, что ему срочно нужны деньги. Ее муж достал откуда-то тысячу долларов – большую сумму, которую он не рискнул отправить напрямую. Пока ди Приемо ожидал приговора в кутузке, Бенедетто отправил конверт знакомым в Нью-Йорк. К деньгам была приложена записка с инструкцией получателю: взять наличные и передать их человеку в салуне на Принс-стрит.

То, что последовало за этим, как полагала Люси, и привело ее мужа к гибели. Его дружки успешно получили деньги, но не сделали ничего, чтобы помочь ди Приемо, – ни наняв адвоката, ни использовав наличные для оказания влияния на ход дела. Не вернули Мадониа и неизрасходованные деньги. Запросы, а впоследствии и письма с мольбами не возымели никакого действия. В конце концов каменщик из Буффало решил, что единственная возможность вернуть деньги – приехать в Нью-Йорк лично.

То, что миссис Мадониа добавила затем, заставило Петрозино вздрогнуть. Был один человек, сказала вдова, который должен знать, почему убили Бенедетто. Ее муж упоминал его имя лишь однажды, когда они обсуждали, как помочь ди Приемо. Некий Джузеппе Морелло, прошептала Мадониа, был главой «большого общества, тайного общества, членом которого являлся и он сам, но Морелло был против него и не сделал бы ничего, чтобы помочь ее брату».

Петрозино знал, что это означало. Это означало, что калека Морелло не был простым фальшивомонетчиком с безжалостным нравом.

Он был кем-то гораздо более опасным. Он был главарем нью-йоркской Мафии.

²³ Чтобы читатель не запутался, поясняем: Мадониа – зять (муж сестры) ди Приемо, а ди Приемо, в свою очередь, – шурин (брат жены) Мадониа. По-английски и тот, и другой обозначаются просто: *brother-in-law*. – *Примеч. ред.*

2. Уважаемые люди

Мафия, как и сам Джузеппе Морелло, родилась на западе Сицилии в 1860-е годы. Она укоренилась и оформилась на земле совершенной красоты, мучительной нищеты и частого насилия, внедрившись в самые основы бытия острова, пока не стала оказывать пагубное влияние практически на все области жизни сицилийцев. Она сделалась – почти на целый век – наиболее богатой и наиболее успешной преступной организацией в мире. Тем не менее в ее основе таились огромные противоречия.

Мафия была тайным обществом, о существовании которого было известно каждому мужчине и каждой женщине на острове. Название общества знали десятки тысяч человек, но его члены никогда не произносили это слово вслух. Общество выступало за справедливость – во всяком случае, так было обещано посвященным – в тех местах, где справедливость было трудно отыскать, но в реальности оно действовало рука об руку со знатными землевладельцами, угнетая обездоленных крестьян Сицилии. Оно почитало честь, но жаждало наживы. В Нью-Йорке общество утверждало, что предлагает поддержку простым иммигрантам. Правда же заключалась в том, что еще в 1920 году его жертвами становились исключительно представители итальянской общины.

Мафия расцвела на почве насилия. Ее наводящая ужас репутация как на Сицилии, так и в Соединенных Штатах основывалась на извечной готовности убивать: мужчин, женщин, детей – всякого, кто встанет у нее на пути. Ее невинные жертвы – предприятия, у которых вымогали деньги, родители детей, похищенных с целью получения выкупа, неудобные свидетели, которые видели или слышали больше, чем положено, – все знали, что мафиози неизменно претворяли свои угрозы в жизнь и неосторожное отношение к ним имело катастрофические последствия. Было и еще одно обстоятельство, придававшее всему этому дьявольский оттенок. С первых дней Мафия заботилась о развитии хитроумной сети деловых отношений с людьми, ответственными за борьбу с ней. Полиция была подкуплена. Землевладельцам оказывали необходимые услуги. Политикам показывали, насколько полезной может оказаться в период избирательной кампании группа беспощадных преступников. Таким образом братство, основой существования которого было навязывание услуг по защите, обеспечивало защиту самому себе. Настоящая причина, по которой Мафии боялись – и поэтому выполняли ее требования, подчинялись ее приказаниям, – была не просто в том, что она убивала. Причина была в том, что она оставалась безнаказанной. Она убивала, *и это сходило ей с рук*.

Для того чтобы понять, как и почему возникло это смертоносное общество, нужно понять историю Сицилии, поскольку она была единственным местом, где могла зародиться Мафия. Остров, расположенный у носка итальянского «сапога», всегда был уникален. На протяжении тысяч лет он являлся жизненно важным пересечением торговых путей, которые шли через Средиземное море на север, юг, запад и восток, и его стратегическое значение оказывалось причиной многочисленных войн за обладание им, начиная со времен Древнего Рима. В разное время Сицилией правили греки, арабы, норманны, властители Священной Римской империи, французы и арагонцы, и все они безжалостно эксплуатировали ее народ. Относительно недавно, в середине восемнадцатого века, остров сделался владением неаполитанских Бурбонов, младшей ветви испанской королевской семьи, которые правили хрупким Королевством обеих Сицилий, доставшимся в наследство от старшего поколения королей. Это государство Бурбонов состояло из южной половины материковой Италии и собственно острова. То, какая из этих областей имела большую важность, никогда не вызывало сомнений. Короли жили и правили в Неаполе, крупнейшем городе во всей Италии, и посещали островную часть королевства не чаще чем раз в десять лет. Проще говоря, даже в Королевстве обеих Сицилий сама

Сицилия считалась местом далеким, беспокойным и варварским – пусть ценным своими доходами, но слишком суровым и слишком «деревенским», чтобы приличествовать королю.

С точки зрения жителей острова, такое безразличие было вполне ожидаемым. Века царствования иноземных захватчиков и непомерные налоги, удаленное правление людей, не имевших корней на острове и причин проявлять заботу о нем, взрастили в местном населении ненависть к власти и глубочайшее нежелание доверять улаживание споров тем самым судам, которые защищали интересы иностранцев и насаждали чуждые порядки. Мятежи были распространенным явлением в истории Сицилии, и сопротивление – пусть даже упрямое и отнюдь не героическое – всегда получало народное одобрение. Предпочтение отдавалось личной мести и вендетте²⁴, а не подчинению верховенству закона.

Даже в девятнадцатом веке люди, преступившие закон, были здесь популярными героями; бандитизм пустил корни на Сицилии глубже, чем где-либо в Европе, и продолжался гораздо дольше. Не произошло больших изменений даже после 1860 года, когда Джузеппе Гарибальди высадился на острове на пути к объединению всей Италии²⁵. Сам Гарибальди был высоко почитаем на Сицилии, потому что он освободил ее от власти Бурбонов. Однако Италия, им созданная, со столицей в Риме, относилась к Сицилии так же, как и предшествовавшее ей государство, беря у нее все, что можно, в виде налогов – и не давая почти ничего взамен. Мир поддерживали гарнизон из северян и полиция, личный состав которой был набран на материке и основной задачей которой было не раскрытие преступлений, но соблюдение порядка. Карabinieri выполняли ее, создав и развивая сеть шпионов и информаторов, чтобы присматривать за потенциальными оппозиционерами и революционерами.

²⁴ Обычай кровной мести (ит. *vendetta* – от лат. *vindicta* «мщение»). – *Примеч. ред.*

²⁵ Джузеппе Гарибальди (1807–1882) – национальный герой Италии, полководец, революционер и политический деятель. Один из лидеров Рисорджименто – национально-освободительного движения итальянского народа против иноземного господства, за объединение раздробленной Италии в середине XIX в. В 1860 г. новая волна народных волнений охватила юг Италии. Начиная с Сицилии, они распространились по всему Неаполитанскому королевству. Гарибальди возглавил поход волонтеров на юг Италии. Правящему монарху было направлено письмо, повествующее о намерениях захватить территории во благо объединения государства. 27 мая Гарибальди осадил Палермо и уже через несколько дней провозгласил себя диктатором Сицилии. За лето, при широкой поддержке народных масс, ему удалось овладеть всем островом. В руках Гарибальди оказалось собственное государство, в котором он провел ряд преобразований. В начале 1861 года было объявлено о создании единого Итальянского королевства во главе с Виктором Эммануилом II. – *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.